

Клеопатра
18+
Панфёрова

КОНУС ЯСНОГО ЗРЕНИЯ

Гражданская
лирика

Ксения Панфёрова

Конус ясного зрения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68509279

ISBN 9785005925077

Аннотация

Ксения Панфёрова (Котова) – художник-дизайнер, член Российского Союза Писателей, Творческого Союза Художников России и Международной федерации художников, стипендиат Министерства культуры. Её стихи прямолинейно и бескомпромиссно рассеивают мрак иллюзий, транслируя ясный взгляд на фундаментальные вещи жизни и смерти: о свободе и одиночестве, любви и преданности, борьбе и принятии. С разным ритмом и настроением все экзистенциальные вопросы поочерёдно подают свои веские голоса в стихах Ксении.

Содержание

Конус ясного зрения	7
Близость	8
Мэйн-стрим	10
Иди и делай	12
Ты – мой дом	14
Разреши мне вернуться	16
Жар-птица	17
Пожар	18
Сойле	20
Блажь	21
Проще не будет	23
На прямых плечах	25
Дешёвый круиз	27
Между дверей метро	29
Такая	31
Прости/Уничтожь	32
Одна фамилия	33
Стоит оно того?	34
Игнорируй	35
Насквозь	37
Образ огненного коня	39
Сотой дорогою	40
Не вечное небо	41

Бей первым	43
Вытеснение	44
Боевая броня	45
Храмы Солнца	47
Сны вещице	49
Держи	50
Средство	52
Хрупкая организация	54
Влюблённость	55
Пей	57
Сказки обратимой смерти	58
Нет провожающих	60
Таблетка последней надежды	62
Как есть	64
Побеждая, любя	66
Золото	67
Сила действия, магия случая	68
Носитель огня	70
Полуденный свет	72
Полуденный свет	72
Расти высоко	74
Дедлайн	75
Последняя дверь	76
Против ветра	77
Что-то ещё?	78
Лохматое солнце	79

Рай персональный	80
Фасад	81
Уровень близости	83
Враги	85
Правота	87
Present simple	88
American tourist	90
Живая материя	91
Огненный конь	93
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Конус ясного зрения Ксения Панфёрова

*Всем, кому кажется, что я пишу о них.
Вам не кажется.
Это всё о вас.*

*...здесь миллиарды звёзд и это – лишь малость.
Я никогда не умру, ведь я никогда не рождалась.*

Дарья Миронова *Дизайнер обложки*

© Ксения Панфёрова, 2024

© Дарья Миронова, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-0059-2507-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Конус ясного зрения

За занавесками и замками, в родных пенатах,
Прячемся ото всех, обоюдно ненужные.
Пушки молчат, когда говорят дипломаты.
Законы молчат, когда говорит оружие.

Толщу ночей не пробьют звонки телефонные.
Нужно молчать и двигаться за радарам.
Сломить решимость души, плававшей в агонии,
Сложней, чем бороться всем миром с лесными
пожарами.

Мы одиноки и нам одинаково тесно —
Вздрагивать в панике, тщетно искать спасения,
Если увидел ты то, что даже не вошло
В малые градусы конуса ясного зрения.

Как отыскать среди всех этих войн и агонии
Голос глубокий, собравший наш мир на оси:
«Спи, моё Солнце! Сегодня тебя не прогонят.
Никто совершенно... сегодня тебя не бросит!»

Близость

Верь мне:

Под солнцем всё смертно и тленно.

Всё исчезает в срок.

Всё,

Кроме близости в безднах вселенной,

Канувшей, словно алмаз драгоценный,

В пляжный песок.

Выйдешь искать её, самую лучшую,

В тысячный раз обретёшь

Бесчеловечное и обездушенное:

Ложь,

равнодушие,

ложь,

равнодушие,

Ложь,

равнодушие,

ложь...

Ищет без усталы смолоду, сызнова,

Каждый мудрец и дурак

В мире реальном,

в обители призраков,

В ангелах,

в демонах
Порцию близости.
Только никак.

Чистую, словно листы сада Мории,
Словно трава в росе,
Видели все
(правда, только в теории)
Так же, как дальней дороги истории,
Винт в колесе.

Пересчитай все пустыни песчинками,
Звёздами – дали-галактики,
Горы – дорогами и серпантинами,
Всеми путями неисповедимыми.
Мудрость приходит с практикой.

Всё,
Что, как хрупкий фарфор, раскололось,
Что заставляло плакать,
Всё повторилось сквозь эхо,
Прошло сквозь сердечные полости.

Если ты слышишь,
Подай мне свой голос,
В качестве знака!

Мэйн-стрим

Железная птица, невидимая рука
Поднимет сквозь время, давление в теле меняя,
Коснётся небес, нырнёт через облака
И сядет в аэропорт Дубая.

Ещё по каким местам протащит мэйн-стрим?
На что отзовутся глаза и сердце мгновенно?
Куда мы вместе снова не прилетим?
В каком прибое не будем стоять по колено?

Держи до последнего руку мою и знай:
Я больше ничем никогда не смогу поклясться.
Меня отрезвил уснувший ночной Ченнай,
Узбекский коньяк, дорога вдоль лодочных станций.

Величие дня всегда в неслучайности встреч,
В математически точных узорах вселенной.
Потомки великой степи, родная их речь...
Задержишься хоть ненадолго, мой друг драгоценный?

Лети, возвращайся, не жди от судьбы хэппи-энд.
Просто живи сейчас, отпускай также просто.
Устойчивый навык всегда выбирать момент
Пощёчиной хлёсткой сечёт раскалённый воздух.

Арабское море, мерцающая вода.
Рукою подать по прямой, где победный финиш.
Я возвожу в своей душе города,
В которых ты никогда меня не покинешь.

24 июля – 1 августа 2022

Дубай

Иди и делай

Когда в тебя тычут пальцем look-look!
Ты в Индии, друг!

Когда твой лук а-ля «свободен и одинок»,
Генеральный спонсор: пыль индийских дорог.

Когда ты не понят,
...не понят,
...не понят
Тысячу раз к ряду...
Не понят, ну, и не надо.

Оставаться проще отчаянным, быть налегке.
Без разницы, раз уж не понят и на родном языке.

И ты не возвращайся ни за какие деньги.
Не вставай на колени.
Тебя захотят подменить ещё там в небе.
И непременно подменят.

На фэйк, на дженерик, на бессердечный аналог.
А тебя в дефиците, тебя и так мало.
Иди ва-банк здесь и сейчас,
Ставь всё на разницу потенциалов.

Твоя кровь никогда не была алой.

Твоя кость всегда была белой.

Так что иди и делай!

26 июля 2022

Ченнаи

Ты – мой дом

Напиши: «Открывай! Я вернулся, стою у подъезда».
Я уже за твоей спиной, обернись, лицо покажи.
Я открою нам Гугл-карты, ты снова выберешь место
То, в котором, на этот раз, мы останемся жить.

Запах арабских духов, ночной столицы и кофе.
В лучших своих местах тормози такси.
Я не сошла с того рейса. Я умерла в катастрофе.
Теперь без тебя умирать меня не проси.

Ничего не скрывая, тревоги и страхи поведай мне.
Я с тобой. Мы придумаем выход сейчас и потом.
Продолжай выбирать места. Я за тобою следую.
Потому что везде, где есть ты, там мой дом.

Где любим каждый угол, который покинуть не в силах.
Зато в силах не дрогнуть, не отступить, не свернуть.
Это песни в моей голове Бумбокса Samplekilla,
От которых в слезах весь Шёлковый путь.

Несгибаемый нрав трансформирует ситуация.
Жили вовсе не долго, но счастливо. Гори всё огнём!
Я выбираю тебя, ты выбирай локацию.
Если вместе не жить, то хотя б умирать вдвоём.

Разреши мне вернуться

Разреши мне вернуться обратно домой!
Эта осень раздавит меня окончательно.
Мне совсем ни к чему быть такой замечательной,
Если быть не с тобой.

Разреши мне вернуться сегодня, сейчас.
Всё вокруг, словно бред. Не пойму, что такое.
Ни в труде, ни во снах я не знаю покоя.
Я нуждаюсь в тебе, но ещё больше – в нас.

Я смотрю на тебя. То ли явь, то ли сон.
Ты вошёл через дверь? Я не слышала стука!
У кровати стоишь, протянув свою руку,
Говоришь мне: «Пойдём!»

Я люблю нас до звёзд и до райских полей,
На щите боевом под военным конвоем.
В мире хватит любви – пережить нас обоих.
Для неё для одной мы живём на земле.

Жар-птица

Ultimate Russian. Сияющая жар-птица.

Со мной будет трудно всегда, признаюсь честно!

Я знаю, как взять без «палева» и ото всех укрыться.

Я буду в чёрном капюшоне в плюс тридцать.

Говорят, что я этим утром проснусь известной.

Я не гоняюсь за славой. Я буду всегда неудобной.

Просящему даётся. Напористому пролезет.

Золотое яблоко на голове наивысшей пробы.

Стреляй, не осматриваясь, не промахнуться попробуй.

Говорят, что слава отшепчет меня от любых болезней.

Я киваю молча, улыбаюсь. Кто не знал – я святая.

Кто не согласен – плевать я хотела. Мне не досадно.

У меня свои люди в каждом углу планеты, и если мы
встанем...

Всей стаей, то будет плохо. Говорят, мы всё порешаем!

Говорят...

Говорят, говорят... ничего непонятно и ладно!

27 июля 2022

Ченнаи

Пожар

Так бывает, когда наружу выходит пожар,
Ввергая всё в хаос, рукИ никому не пожалв,
Каждый квадратный метр до точки дожав,
На всех этажах.

...

/Ни других, ни себя не жаль/.

Никого не осталось, ничего не осталось. Пепел.
Ты немного безумен, зато священен и светел.
Как Бенгальский залив в рассветном солнечном свете.
Тебя любит неистово ветер на континенте,

...

/Один лишь ветер/.

И ты любишь его, и даже души не чаешь,
Не дыша, ослеплённый, подвоха не замечая,
В радости и в печали. Плевать, что он ни разу
не приручаем

...

/За печеньку с чаем/.

За твою непригодность в космонавты, в разведку, в жёны
С тебя больше не спросят. Свобода – вопрос решённый.
Мир есть госпиталь для таких вот умалишённых,

Бешеных и прожжённых,

...

/Прокажённых/.

Так бывает, когда пожар выходит наружу,

Ничего внутри себя больше не обнаружив,

Постреляв из всех рогаток, винтовок, ружей.

Тра-та-та. Никому ты больше не нужен.

...

/Один х*р, никому не нужен/.

Сойле

Ещё один цикл закончился на земле.
Крыша, не уезжай! Мгновенье любви, стой же!
Со мной говорят на любых языках, говорят: «Сойле».
Сойле, дорогая! А я понимаю всё больше.

Людам вообще адаптивна любая среда.
Как бы там ни было... что бы... ещё бы... где бы...
Такси до развилки доедет и повернет сюда.
Я узнаю места. Я местная в этих дебрях.

Машинами, самолётами, поездами дороги рисуют.
Что-то другое... меня забирает. Всё прежнее отпустило.
Камера, роллинг, экшн. Меня не парализует.
Терпение, труд, молчание – золото,
Спокойствие – сила.

31 июля 2022

Ченнаи

Блажь

Не слушай меня, когда говорю сгоряча.
Молчание – золото,
Мой золотой.
Я умею пороть горячку, рубить с плеча.
Но высшая благодать моя – уткнувшись в твоё плечо,
Замолчать.

Ты – мой покой.

Внутри у меня, как и в мире, не дремлет зло.
Вскипает, довлеет сотнями атмосфер.
Не находится объяснений, корректных слов.
Взведён ледяной барьер

между миром и мной.

Наивысшая благодать моя – твоих рук тепло,
Целовать их трескучий ток в миллион ампер.
И всей шкурой осознавать, что мне повезло

с тобой,
Мой вулкан, мой лев, мой алмазный карьер!

Колкий запах мороза с привкусом сигарет.

Моя роскошь и блажь – вдыхать его на тебе.
Потому что ближе тебя никого и нет...
Уже несколько дней...

Проще не будет

Туманы повисли над лесом,
Тащит колёса по трассе.
Спи же, моя принцесса.
Спи и не просыпайся.

Правило есть простое.
Проще уже не будет:
Жизнь ничего не стоит.
Все они просто люди.

Тягостны все их страсти —
Соли на шее и камни.
Даже не просыпайся.
Мёртвая ты не нужна мне.

Кровь – превосходство класса.
Рви с остальными связи.
Собственных демонов рабство,
Жертвы собственной грязи.

Светлых волос чудесных
Пряди с лица откину.
Спи же, моя принцесса.
Я им не дам твою спину!

На прямых плечах

«Как дела? Как обычно – куча забот?

Ну, давай, не чихай!

Сама себя береги!»

У меня молчаливого гнева полон закрытый рот,
А ты улыбаешься из-под руки.

/Словно это не мы последний год
общаемся, как враги/.

Перемена сезонов, летящих на всех скоростях,
Увлекающих нас по наклонной и по кривой.
Я постигла дзен, приняла «по*уин», съела «том-ям».
В общем, я – броней.

/Словно это не я собираю себя по частям
После встреч с тобой/.

Словно это не я иногда не пойму, как дожить до утра,
На прямых плечах удержать целый мир и пальто.
Мне не ясно, когда нас застиг этот час растрат,
Когда грянул застой —

/Заменив милосердное: «Ты не горюй, сестра!»
На сухое: «Ты кто?!»/

Дешёвый круиз

Впиваются в руки осколки чистого света.

Поздравляю! Ты выкупил странный круиз
с невозвратным билетом.

Дешёвый круиз вниз – иллюзорная жизнь, арии
Риголетто,
«la bella del centro mafia, prima sacra vendetta».

В устойчивом отвращении – больно, обидно, непросто.

Погреби всех их «праведных» в куче компоста...
словами точенными острыми.

Отношения, как зеркала в прихожей, по росту.
И когда в них глядит обезьяна – не отразится апостол.

Да пусть все они для себя хоть сотню раз прАвы.
Бороться приходится чаще всего с собой за добрую славу.
И лавры её раздаются молчаливым скупым трибуналом,
Судом присяжных с явно недобрым нравом.

Очевидно твоим друзьям, коллегам, соседям,
Что крыша твоя отъехала, ну, или скоро отъедет.
Совершенство твоя комплектация:
Лучшие установки от лучшей смены.

Давай-ка начнём разбираться,

Чьё это сердце там склонно к изменам...

Между дверей метро

Внутри меня грохот, словно в пустое ведро
Швыряют с размаху американские центы.
Я согреваюсь между дверей метро,
На выходе в город / первый вагон из центра.

В этих минутах постигнут экстерном дзен.
Кажется, я никогда не носила маски,
Не поднимала лица с материнских колен,
Тёплой руки ощущая добро и ласку.

С твёрдой рукой, не дрожащей, хирурга-врача
Я покидаю орбиту порочного круга,
Вырезав из себя и врага, и друга,
Как злоую опухоль, что тормозит по ночам.

Жить не даёт, не даёт лежать и сидеть.
Куда ни пошла бы – она остаётся рядом,
Взводя надо мной свою раскалённую плоть,
Не знающей отдыха, милости и пощады.

Знаю, ещё будет долго болеть нутро,
Капля за каплей рифмами монотонными.
Я согреваюсь между дверей метро,
Рядом с другими,

смертельно больными,
бездомными.

Такая

Утряслось, устаканилось, обтесалось.
Воздушное – самолётам, дорожное – вокзалам.
Лачугам – убогость, роскошь – дворцовым залам.
Это конец!
Я это всё послала!

Все эти обострения в октябре и мае,
Позитивную мину при стрёмной игре сохраняя.
В сугробе стакан с глинтвейном стоит, остывает.
Да! Я такая!

А вы что подумали?
«Надо же так впороться!
Надо же так уметь плевать в колодцы!»
Превращать трагедию в фарс и не делать нонсенс —
Учись, моё Солнце!

Прости/Уничтожь

Новый день принесёт с собою новых плетей.
С каждым днём всё больше бл@дей, всё меньше тепла.
Пропадает чудовищно много хороших людей
Прямо без вести в том переходе к делам от «бла-бла».

Всё и так хорошо. Отчего не отыщешь покой?
Налей себе коньячку, да и мне плесни.
Ты, безусловно, любим и важен, и всё такое.
Просто сегодня кто-то важнее тебя. Извини!

Паскудные сказки! Подлый фольклорный звездёж,
Не стоящий премий и литературных наград.
Двухполюсной выключатель «Прости/Уничтожь».
Тянешь уверенно руку, отводишь взгляд.

Одна фамилия

Я о могуществе рода где-то прочёл.
(Мы же одна фамилия, если чо!)
Будем дружить квартирами горячо!
Вот тебе два рубля и моё плечо.

Завтра отдашь натурой! Мы же семья!
Все уважаем друг друга! Но главный тут я!
Кто не согласен со мной, тот просто свинья
Неблагодарный / не-бла-го-дар-на-я!

Мы же родные по крОви.
Всё без проблем!
Переезжай скорее поближе ко мне!
Будем соседями!
Хочешь?
– Да! С у-до-вольст-ви-ем!
Если, конечно, речь о соседней стране...

Стоит оно того?

Станет печально – не заходи на чай.
Я не открою. Хоть покрывайся инеем.
Суть нелюбви читабельней в мелочах.
Даже читабельней, чем на ладонях линии.

Пыль пеленой в глазах, на ушах лапша.
Хлопнуть ли дверью, свалить ли в закат безнаказанно...
Кстати, спасибо, что не пришлось решать —
Как поступать, когда поле и ягоды разные.

Меня, в переходе с виски на бигуди,
Спросит под вечер какой-то кусок дебила:
– СтОит оно того?
– Да лесом иди!
Чуть не спилась, покуда тебя разлюбила.

Игнорируй

Приходят ночи на юго-запад,
Калечат небо салютной дробью.
Я по квартире хожу без тапок.
Меня отныне никто не тронет.

Никто не будет звонить, сердиться,
Искать виновных, винить искомых:
«Какого лешего не сидится
Тебе, шаболде, сегодня дома?

Всех тянет в небо, тебя – всё ниже.
Вокруг сабля из тебе подобных.
Какого х*ра, ну, объясни же,
Для нас не можешь ты быть удобной?»

О, как спокойно и как душевно —
Прийти в пустую свою квартиру!
Мой безотказный рецепт волшебный:
«Закрой все двери и игнорируй».

Пуškai хоть лопнут все эти злюки.
Я лучше буду хамлом и бл@дью.
Всё что ни птички – всё мозгоклюйки.
Всё что ни повод – стрелять не глядя.

Насквозь

Пожалуй, пора, наконец, обратиться к врачу,
Послушать и выполнить всю эту дребедень.
Я не знаю, кто я вообще.
Я не знаю, чего я хочу.
Я не знаю даже, который сегодня день.

Время – песок, сквозняк, время – вода.
У воды, говорят, есть память, у меня – брехня.
Ни памяти, ни воды. Я не помню, откуда я и куда.
У меня только этот, идущий по мне, сквозняк,
Серых крыс возня.

У меня мастерство смотреть сквозь пальцы и стены,
Смотреть насквозь и поверх:
Черепных коробок, мотивов, мотора в груди.
Пробивать быстрее, чем рука достаёт револьвер,
Быстрее, чем пуля летит.

В говорящих коробках желание влезть во всё –
не желание всё постичь,
А потом говорить и черкать: «Хронически болен» –
ломаю карандаши, —
«Ксюш, ты пишешь бессвязную чушь, какую-то странную
дичь.

И если ты можешь вообще это всё не писать,
Пожалуйста, не пиши!»

Бесславная смерть гонцам беспонтовых вестей.
На вход и на выход пароль и логин один:
Фильтруй свои мысли, входя в мою красную тень.
Оружие сдай или не подходи.

Образ огненного коня

Непонятное время: вечера или дня.
Пересохшее русло – дорога, которой не внять.
Беспристрастная смерть – образ огненного коня —
Перекрыла проход, не пускает к себе меня.

Красной гривой трясёт, подавая знаки: «Не лезь!
Развернись, уходи! Ты кого потеряла здесь?
Опалю, обожгу, затопчу твою ересь и спесь.
Не бросайся в огонь, до конца не поняв, кто ты есть.

В твоём мире подлунном замрут на отметке часы.
Я забрал твоих предков, друзей. У меня твой сын.
И тебя иссушу. Испаришься по капле. Остынь!
Здесь не место тебе и не время. Проваливай! Сгинь!»

Не гневись, Божество! Я не вывезу твой оброк.
Иссякает под пламенной поступью жизни поток.
Ухожу! Ну, пытаюсь! Только не чувствую ног.
Подожди! Утром вырвет из сна телефонный звонок.

Сотой дорогою

Обходи меня сотой дорогою,
Облаками и километрами,
Не открытыми прежде планетами,
Добрým утром и всеми приветами.
Пока я тебя тоже не трогаю.

Обходи меня перевалами
За своими следуй примерами,
Аппалачами, Кордильерами,
Никому неизвестной верою,
Никому неприглядной славою.

Обходи меня взглядами броскими,
Неприятными, острыми, резкими...
За ресницами-занавесками,
Аргументами личными, вескими,
Регулируемыми перекрестками.

Обходи, как ислам – карту винную,
В этой жизни тебе не расслабиться,
Не оформиться, не оправиться.
Даже встретив меня раскрасавицу,
Обойди, словно я – поле минное.

Не вечное небо

Необратимая, резкая амнезия,
Стирающая начисто попредметно
Память, живущую в клавесине,
В виолончели, валторне, флейтах,

Тоталитарно и додетально —
С геоотметок, страниц, ретвитов,
Кодов, сплетённых двойной спиралью,
Макромолекул, нуклеотидов.

Вытрет чужая рука на рояле
Пыль, ощутимую больше, чем память.
Ты исчезаешь. Ты точно была ли?
Суть эфемерная, легкое пламя.

Тоненький луч, проходящий во мраке.
Движущий свет вдоль огромных массивов
Времени, небытия, обстоятельств
«После» и «до» — неуклонная сила.

Ты ускользаешь, тебя не потрогать.
Запахом кухни и свежего хлеба.
Вымыт паркет от мансард до порога.
Память не вечна. Не вечное небо.

Бей первым

Чёртов замкнутый круг! Гонишь себя взащей
Сквозь ад преград, сквозь вертикаль этажей.
Где-то, где можно не ощущать себя «не пришей...»,
Сняв арматуру палёной опалубки с чутких ушей.

Мозг, ты чего счеловодишь, долбаный ты эмпат,
хранитель амбарных ключей.
Хватит лепить из меня солнышко ясное с лучиками
мечей.

У меня так саднит и ноет. Всё отнимается от плечей
Не от сердечных болей, не от бессонных ночей.

Оборона и нападение – вещи из равных энергозатрат.
Но дают поразительно разный эффект, разбросанный
результат,
Баланс развесовки, дамасскую сталь, удобный хват.
Даже если ты слеп, одноног, пропит, словно старый
пират, —
Бей наугад.
Если не хочешь сдохнуть, бей всегда первым, брат!

Вытеснение

Апрель иногда забывает, что он апрель.
А ты иногда забываешь свой прежний опыт.
И кто-то там сверху опять возмущён: «Неужель?!»
И новый даёт подзатыльник. Напомнить чтобы.

Ведь ты ничего не помнишь. Побочный эффект,
Под ноль вытесняющий всё с наболевших точек.
Об этом писал Шопенгауэр, Лакан и Фрейд.
Но ты не читала. Тебе бы тупее и проще:

Гадать на ромашках, на кофе, на падающей звезде,
На прочих х*ровинах серии «крибли-крабли».
Чего же ты ноешь теперь? Я говорила тебе,
Что всё это грабли!
Всё те же обычные грабли...

Боевая броня

Я цежу пословесно инфу ядовито и хмуро,
Ненавижу, когда мне пытаются лезть под шкуру.
А вот рядом с тобой моя полыхает натура...

Ледяная, как Питер.

Я умею дышать, находясь в крестовине прицела,
Балансировать на канате меж башен спокойно и смело.
Говорить, вынимая из шкуры врага ядовитые стрелы:

«Ой, извините!»

Это разум пытается так уберечь от фатальных ошибок.
Чтобы всё, как всегда. Лишь бы сыты, обуты, живы.
Не для этого ли по фигуре на каждом пошита

Боевая броня?

Если ты усомнишься во мне хоть на долю процента,
Если станут не в радость глаза колдовского цвета,
Если встанешь однажды пред выбором между мной
и кем-то,

Выбирай не меня.

Храмы Солнца

Тонких перчаток кожа,
Цвета уставших маков.
Прямо на этом месте
Будет ещё один шрам.

Папа звонил, ругался,
что ты продолжаешь плакать.
Он за тебя молился,
утром поехал в храм.

В храме оплавлены свечи,
Там же оплаканы жизни.
«Ты же давно на свете!
Видишь их всех насквозь.

Ты не глупа и безвольна!
Выдохни! Докажи мне!
Когда ты пила и ела?
Когда тебе крепко спалось?»

Чёток спасительный глянец
Звонко скользнул по заслонке.
«Это совсем не важно» —
В голосе сорвалось.

«Пап, я мечтаю увидеть
Дальние храмы Солнца,
Их лучезарного бога,
С целой копной волос!

И у меня такая!
Он на меня похожий.
Весь золотой, лучистый,
Сияющий, огневой!

Жаль, что я не святая!
Я бы могла быть тоже
Светлой богиней Солнца,
А не сибирской чумой».

Переставай, не кисни,
Жертва побочных эффектов,
Цепью проклятий скована,
Молча уходишь на дно.

«В мире так много жизни,
Искренности и света!
Папа, а мне так холодно!
Холодно и темно!»

Сны вещие

Скрипучих половиц холодный лак. Босая и слепая
Встаю встречать у кованых ворот
Сны вещие, в которых я живу, не просыпаясь,
Не первый год.

Всё, что горит, так ярко и так мало!
Никто не обнаружит, не найдёт
Маршрут петляющих следов под покрывалом,
Переходящим в лёд.

Пропавших без вести из разума и плоти,
Покинувших сознательный уют,
Не погребут и в гроб не заколотят,
Не отпоют.

Что было «до» – неведомо. Что будет «после» – знает
Трава живая, видя каждый след,
Из-под снегов, что шепчут, насмехаясь:
«Трава, малыш, живая, а ты нет!»

Держи

Держи меня в своих руках, зажав до боли.
Держи голосом.
Пусть моя шея под твоей железной волей
Тоньше волоса.

Держи простую смертную, обыкновенную,
В невзрачном платье,
Как звёздную упавшую вселенную
В твои объятия.

Держи среди больших светил, небесных тел,
Погасших разом.
Пока в этой глухой крошечной темноте
Нам рядом ясно,

Пока с тобой и о тебе мне пишется, поётся,
Смеркается/светает.
Ты для меня единственное Солнце,
Я для тебя святая.

И не иначе. Всё иное не моё, всё мимо,
Всё тлен, возня.
Как обезумевший, как дикий, одержимый,
Держи меня.

До онемения, мурашек, судорог по мышцам,
Нейронных сбоев.
Держи меня и за меня держись сам.
Я вся с тобою.

Средство

Повесь всю правду свою дурную себе на шею,
Ровнее спину!
Трясёт, как будто снялся не с отношений,
А с кокаина.

Ты хочешь выпить... хотя бы чай, но...
В стакане буря.
Тебе бы выкурить что в печали,
А ты не куришь.

Гремит посуда: тарелки, вилки,
Ножи-предметы.
Метать, швырять всё легко и дико.
Всё рикошетом

Сто раз в тебя же, в колючий панцирь
И два сквозные
На месте встречи твоей мерцалки
И аритмии.

Бурлят, грохочут громоотводы
Причин и следствий.
От всех пристрастий любого рода
Найдется средство.

Хрупкая организация

Не назначай мне отныне свидания.
Я угадала с полноты истерику.
Эти мудовые псевдострадания
Бесят, как шум из полночного телека.

Санта-Муэрто! Помилуй! Заканчивай
Всех истязать! Сохраняй репутацию!
Суть мотыльковая, плоть одуванчика.
Психика – хрупкая организация.

Метаморфозная, декоративная.
Сыпется, только коснись её шпателем.
Все обсессивные и компульсивные
Передаются воздушным и капельным.

И пока где-то горишь ты в бессоннице,
Мне равнодушно так! Чувствуешь жжение?
Нервные клетки не восстановятся,
Как и моё к тебе расположение.

Влюблённость

Она, прищурившись нагло, шипит: «Не уйду!»,
Коверкает речь, позорит у всех на виду,
Роняет прибор, пересаливает еду,
И ты, как овца, на её идёшь поводу.

Она говорит: «Не ссы! Это новые грабли! Идём!
Позориться, так по полной! Погибать, так вдвоём!».
Потом помирать тебя бросит под сломанным фонарём,
Чтоб трупик твой холодный нашли только будущим днём.

Она так прекрасна! С неё не спускаешь глаз,
Вдыхаешь всем телом, веришь, как в первый раз,
Даёшь поиграть, порулить, придавить на газ.
Она тебе даст «прикурить». Она в этом ас!

Она англичанка: отходит припудрить нос...
с концами, ... не объяснив, не чиня допрос.
А ты ожидаешь, как преданный, брошенный пёс,
Уже и не помня: как раньше жилось да спалось.

Эй, там! Это всё случайно или назло?
Чтоб здесь триста лет потом ничего не росло?
Чтоб в мире ничто не согрело, ничто не спасло?
Без слов...

Пей

Сотни дорог и снегов без примесей
Мимо степей и сёл.
Пей, дорогая, чтобы всё вынести,
Вынести это всё!

Время течёт эстакадами, крышами,
Ценности трёт в порошок.
Пей, моя девочка, стань невозвышенной.
Стань неподъёмно большой.

Мир по весне обрастает одеждами.
Хочется – значит, люби.
Пей и люби, моя звёздная, снежная,
Мой ледокол «Сибирь».

Сердцем, душой, болевыми подкожными...
До остановки сил.
Чтоб не мандражило, пей, как положено.
И ни о чём не проси.

Сказки обратимой смерти

Полтаблетки сертралина,
Чемоданчик денег.
Сказки смерти обратимой —
Гости сновидений.

Гроб стеклянный, возраст шалый.
Спи! Пройдёт и это.
Ускакали все решалы
К дамам полусвета.

Малахитовые чётки,
Терапия веры.
Взгляд холодный, голос чёткий,
Резкие манеры.

Триста лет, дом среди бора,
И проснуться б рада.
Мир спасет тебя не скоро.
Никому не надо!

Спят гризайли на картинах,
Вечность без огласки.
Смерть всегда необратима.
Остальное – сказки.

Нет провожающих

Коньяк на исходе. Несите бутылку текилы,
Соли, лимонов, красной икры, ананасов!
Тань, а давно ли мы сами были такими,
Какие дети сегодня у нас?

Родители стол ломовой накрывали к обеду,
Нас собирали и рядом сидело счастье.
Знаешь, Ларис, я боюсь, что сегодня уеду
И не услышу: «Доча, скорей возвращайся!».

Если не близко к сердцу, то как ещё брать их —
Сложенных из потерь и печалей бусы?
Следом за дедами молча уходят братья.
Лёш, ты присядь. Я помогу обуться.

Все мы умеренно в юмор, умеренно строгие.
Крепнем от боли, но плачем потом без причины.
Гибнем в неравенстве, боремся с онкологией,
Старыми психотравмами, бредом, морщинами.

Что не убьёт – всё равно впечатлит угрожающе.
Как ни старайся Светило собрать из лучиков.
На узкой тропе из жизни нет провожающих,
Нет никакой родни, никаких попутчиков.

Таблетка последней надежды

Белый стул, балкон, солнечный город Майами.
Таблетка последней надежды, мир на мгновение замер.
Между нами всё то, что поддерживало годами,
Океан борьбы и воспоминаний,
Атлантический океан,
Семь поясов часовых между нами.

Я приду, запрусь изнутри и просижу до рассвета.
Мне все свои тревоги теперь отнести некуда.
Ты помогал на всё и всегда находить ответы.
Делился теплом и светом.
Спасибо за это!

Я сегодня, как раньше, под окнами, что были твоими,
стояла.
Там никого больше нет. Пустота и темень глядит из зала.
Спасибо, что научил вывозить всё самой,
Не быть раздёрганной и усталой.
Но в часы одиночества этого мало.
Критически мало!

Растёкся в пространстве бесконечных историй табор.
Кто теперь мне спасательный круг выбросит за борт?
Кто погладит по голове, что б ни сделала я и когда бы?

Кто теперь за меня и со мной... с храброй и слабой?

Ты не сваришь нам больше кофе. Я заварю себе чая.
Я буду стараться вырвать у жизни лучшее для себя.
Обещаю!

Всё не зря! Ты со мной, моя точка поворотная, отправная.
Видеосвязь, балкон, деревянный стульчик, Москва
ночная.

Я очень скучаю!

Как есть

Когда вырывались наружу языки пламени и яда,
Ты была рядом.

Когда от горя ломались стены, крыша ветшала,
Ты меня утешала.

Когда одиночество было в районе тяги прильнуть
к деревьям,
Ты говорила: «Верь мне!».

Когда кровь, покидая сосуды, пачкала лестницы
и перила,
«Выживем», – говорила.

Понимала и принимала, как есть... целиком и частично
Живую личность,

Когда ехало и болело, нылось, по стенкам сползалось
На улицах и в торговых залах.

Победивших внутри головы всю жуть
Эскалации ада,
Или нас любят, как есть,
Или вовсе не надо.

Побеждая, любя

От начала и до конца я буду с тобой.
Не важно, чей ближе конец – мой или твой.
Я не нашла вариантов уйти. Ни одного.
Любовь в основе всего.

Она превышает проблем, страстей и забот.
Превыше всего того, что под небом живёт,
Эта сила из века в век человека несёт.
Побеждая, любя, ты побеждаешь всё.

Золото

Было непросто как-то, да чем-то спастись,
Не полыхнуть, не взорваться, до сотни не досчитав,
Не выбрать Казанский, как лучшую из локаций,
Не лечь под состав;

Не быть бедной Лизой, не быть Карениной Анной,
Ничем не греметь, не вопить, не хвататься за нож;
Не впасть в диссонанс, оставаясь классной и странной,
Не верить в звездёж;

Себя полюбить полноценно, быть миру полезной,
Мятежно пылать, восставать, но в итоге понять:
Всё так потому что золото, а не железо,
На качество нужно испытывать и проверять.

Сила действия, магия случая

Счастье встретить легко, если жить, к нему не готовясь.
До рассвета в заливе, до последней разлуки осталось
минут двадцать.

Ты летишь совершенно в другой часовой пояс,
А я сплю и мне больше не хочется просыпаться

Ото сна, где счастливые и влюблённые не измеряют
время часами.

На солёном ветре порывисто и бунтарски бьётся одежда.
Я не хочу видеть мир, в котором босыми ногами
Не вдавиться в песок Бенгальского побережья.

Это всё, что запомнишь на слух, запечатлишь на коже,
Всё, что сделает меня мной и утвердится прочно.
Я хочу видеть мир, что превзошёл сам себя и сделался
больше,
Мир, который в отсутствии тебя сжимается в точку.

Если держатся в голове сила действия, магия случая,
Удержатся и в руках мир реальный и мир сказочный.
Сколько счастья ни дай – надышаться им не получится.
Сколько я ни сказала бы слов – не будет достаточно.

Вдыхая ли кислород на плече твоём под июльским

облачным фронтом,
Миновав ли полётом тот зонт грозовой и растаяв,
За каким отдаленным теперь ты ни скрыл бы себя
горизонтом,
Моё Солнце, я знаю, ты где-то живёшь и сияешь!

10 августа 2022

Москва

Носитель огня

Рождённый сгореть – не утонет, сколько бы он ни тонул.
Каким бы весомым ни был тот камень, притягивающий
ко дну.

Выйдет из мертвой петли, из комы, из сна, заступится
за себя одного/

За одну,

Оценит всё здраво и постановит: «Да ну...

...вас, лесом ребята! Дальше я как-то сам!

Пустите на перевязку ран все ваши алые паруса.

Да разбирайтесь со всем этим, как хотите, ежедневно
и по часам,

Молитесь и поклоняйтесь своим богам, небесам,

Верьте любым представляемым чудесам.

Под капотом – табун, под сиденьем – оса.

Можно плясать!»

Все эти танцы на топях болотных – седьмая во лбу пядь.
Рожденный гореть сгорает свободным. Ни дать, ни
отнять.

И как бы он ни старался, ему не понять,

Не оценить ценителей, носителя огня,

Колющее и режущее по самую рукоять
собою обнять.

Утро пылает линией горизонта на уровне сердца и глаз.
Рождённый гореть, как и Солнце, не выберет никого
из вас:

Кого обогреть, кому осветить дорогу в Тартар
и на Кайлас,
Каким бы кто ни был жалким, убогим,
без прочих прикрас здесь и сейчас.

Тому не понять, кто никак понять не готов:
Пламенных действий и взглядов, огненных слов,
Повторенных через эхо пустых голов.
Подмененных низкочастотной волной голосов,
Громкой речью мерзавцев и подлецов,
Исказивших любое словцо.

Даже если совсем не осталось веры, во всём только яд,
Даже если весь мир из предателей стал состоять,
Из желающих взять своё, чужое отжать и сказать: «Не я».
Носитель огня,
Продолжай сиять!

Полуденный свет 2021

Полуденный свет

Располосован воздух полудня лучами
Узкими струйками света сквозь стены и потолок.
Внутри себя я всё ещё там,
в джаянистском храме,
Сплю на полу...
полуженщина, полубог.

Всё угасает, чтобы воспрять с новой силой,
В поле сражений нельзя отступать и троить.
Смертное тело, свернувшись, забвенно застыло,
Как в барельефах редких – братья мои.

Слышу сквозь сердце голос моей проводницы,
Образ пространства меняет свои миражи.
«Дочь нелюбимая, самое время смириться:
Пыль под ногами вселенной вся эта жизнь».

В жестах изящных, застывших, у каждого бога
Громче молчания, глубже небес завет:

Сестра, там, вдали так темно! Забери в дорогу
Нашу любовь и этот полуденный свет.

Расти высоко

Колокольный звон под рассветом летних полей.
Остановлюсь послушать и наполняться стану.
Взросление или умение становиться сильней
Делает из людей милосердных титанов.

Лягу в постель из шёлка июньских трав.
Есть где лежать, что поесть и уже не больно.
Это реальной жизни суровый нрав
Наделяет суперспособностью – быть спокойным.

Радостный труд не гнетёт и не тащит на дно.
Быть успокоенным легче, чем очень гордым.
Есть недовольство сильное, но одно:
Людьми, недовольными всем, с недовольной мордой.

Справиться молча с задачей и козым лицом,
Видеть свои богатства – рабочая схема.
Если проблема не стала для мира концом,
Можно считать, что это вообще не проблема.

Я слышала мысли тех, приходящих до нас.
Расти высоко! – Из серий на грани бреда. —
Так высоко, что выше только Кайлас.
А над Кайласом боги и будь им предан.

Дедлайн

С каждой задачей – уровень выше.
Спутники сферу делят над крышами.
Чтоб не сравняться с землёй в этом движе,
ПрОклятый трижды возьмёт, да и выживет.

Вывернись весь, покажи, что ты можешь
День из зенита выжат и прОжит.
«Линию смерти» чувствует кожей:
Каждый писатель, учитель, художник.

Последняя дверь

Всегда настанет момент, когда поздно лечить.
Конец одинаковый, в правильном предложении.
Красная кнопка кремационной печи —
Последняя дверь в отпуск без содержания.

Поцелуй на прощание, холод, конвейер, конвой.
В саван и в землю или в огонь с распятием.
Безусловно любить, провожая друг друга домой,
Опуская щиты «бессмертия» и неприятия.

Вопросов прижизненных тронута водная гладь
Брошенным камешком: Что остаётся в наследие?
А близкие люди даны нам, чтоб понимать:
Вот кто закроет за мной эту дверь последнюю.

Против ветра

Когда общение стало невыносимо,
Когда достигло предела всё то, что бесило,
Совсем безразлично – как некрасиво —
Твой гнев и бессилие.

Жжёшь письма во имя свободы и просто согреться.
Фантомные боли в том месте, где было сердце.
Живёшь по уму, по возможностям и по средствам.
И некуда деться.

Всё вылезет против. Все проданы: те и эти.
Прости, отмолчись. Даже это в красках подсветят.
О чём ни скажи – лишь ты за себя в ответе.
Слова носит ветер...

Особенно про красивых. О них очень зло и много.
Влачи против ветра себя и свою тревогу.
Спасибо высокому болевому порогу,
Таблеткам и Богу...

Что-то ещё?

Не теми путями ходили. Не там строили.
Для больной души десять лет – пустяк.
Твои слова тучным тревожным роем
Над моей головой, как пули, свистят.

Не спрятать натуру за тусклыми толстыми призмами.
Убегая день ото дня, от себя до себя беги.
Но если рука из руки безвозвратно выскользнет,
Дверь удастся захлопнуть только с ноги.

Изменений уже не потерпит старушка-история.
Где-то чётко прописано, как мы равняли счёт.
Но однажды нас поровняет печь крематория.
Это главный ответ на вопрос твой: что-то ещё?

Лохматое солнце

В переходе с классической музыки в мат,
В интервале с провала в погрешность
Он лечит людей, сошедших с ума,
И сводит с ума не сошедших.

Человеческих горестей яма, без дна,
Никогда не бывает пустая.
Я знаю всех женщин его имена
И книги, что на ночь читает.

И если однажды не сгинет в запой,
Из дам, что не посланы на х*р,
Он искренне преданным будет одной —
Племенной английской собаке.

Сгоревшему в войнах холодных, больших,
Проход в цитадель интроверта,
К блестящим глазам и ко звёздам души —
Риоха и слово эксперта,

Идущему в тапочках по мостовой,
В своих белоснежных одеждах.
Лохматое солнце с изящной рукой —
Таблетка последней надежды.

Рай персональный

Такая вот память. Плесните Ваниш!
Совсем утомили её капризы.
И ты мне являться во снах перестанешь,
Когда меня вскроют для экспертизы.

И вспомнится сразу июнь и свобода,
И степи распустят ковыльные пряди.
Откуда ты есть? Без ума! Без породы!
Во лбу семи пядей!

Слагая в десятки (не меньше, не больше)
Года, персоналии, тьму декораций.
И так, если это цена моей мокши, —
Оплата натурой, без скидок и акций.

Озябшие ручки. Реальность реальна.
Сдаю на воротах апостольский табель.
Меня ожидает мой рай персональный —
Бескрайнее поле разложенных грабель.

Фасад

Когда ярость мертвит языки, застилает глаза,
И воздух пустой – это всё, что осталось спасать.
От дома из детства остался только фасад,
Уже не вернуться назад.

Когда в каждом слове и жесте законцентрирован яд,
Всем поражениям только ленивый не рад,
Смертное тело – твой парадный наряд
Столько жизней подряд.

Ты падаешь-падаешь, но когда встанешь – стой,
Пусть упадут, кто сжирал тебя всей толпой.
Пусть захлебнутся бездоказательной клеветой,
Своей правотой тупой.

Для них ты – кусок железа в слабом звене.
Истина не имеет веса. Прав, кто сильнее,
Они бы тебя расстреляли, поставив лицом к стене,
За силу твою извне...

Читаешь подробно мысли в людских глазах.
И видишь в них столько лжи, что не рассказать.
Тебя бы сослали на шесть столетий назад,
С костра инквизиции – в ад.

Тебя б разобрать на цитаты и образцы,
Волю дурную, дикую взять под уздцы.
Но ты же матёрый волчара в шкуре овцы.
Так что не СЦы!

Уровень близости

Мальчик, тук-тук! У вас точно «все дома»?

Нет! Я не агрессивная!

Делаем вид, что мы не знакомы.

Делаем вид усиленно!

Это особенный почерк и стиль.

Типа в культурной коме я.

Чем основательней уровень близости,

Тем мы и незнакомее.

Ты так задумчив! Серьёзный, глубокий!

Только старайся не плакать.

Ибо мой смех подрывает весь округ

Прям до созвездия рака.

Вытри с мозгов своих старую плесень,

Сделай лицо попроще.

Фраза вот эта: «Ты меня бесишь!»

Мне импонирует очень!

Жаль мне тебя! Ведь тебя задолбала

Баба с горящими избами.

Можно влюбиться в кого попало,

Но выбесит только избранный.

Грезят о чувствах больших, настоящих
Люди неукротимые.
Лучше быть искренне-страстно-бесячей,
Чем вполовину любимую.

Враги

Стоял июнь. Не помогали в зное
Вакцины и божественный елей.
Маразм крепчал. Крепчала паранойя.
Мерещились враги из всех щелей.

У кочегара Пети среди лета
Всё обострялось хуже, чем весной.
Повсюду ему мнились конкуренты,
Так сильно, что его порой трясло.

Казался в каждом вор кассирше Зине.
Под подозрением соседи, кот и дочь.
Купила макароны в магазине
И пересчитывает их с тех пор, за ночью ночь.

Страдал подобным даже плотник Вася,
Боясь утратить опыт свой и стаж,
Отчаявшись, вздыхал он: «НиКуяСе!
Вокруг одно враньё и шпионаж!».

Гуляка Саша очень недоволен.
Он глубоко женат и он с кольцом.
И если с ним заселфились на фоне,
От гнева перекашивал лицо.

Девушка Лида вечно одинока.
На всех мужчинах порча или сглаз.
Зовёт на море – в рабство сдаст, ей Богу!
А если врач – на органы продаст.

Не смейся и ещё не зарекайся
Хозяев много у порочных свойств.
Любой из нас бывает Зиной, Васей
И королём психических расстройств.

Поймёт лишь тот, кому извилин хватит, —
Закон малопривлекателен, но таков:
Предателям мерещатся предатели,
Дурак повсюду видит дураков.

Правота

Никто не любит, когда страшилки становятся былью,
Поднявшейся в памяти слоём золы и пыли.
Подавленный гнев найдёт себе время расправить крылья.
Тираненный долго, сам станет тираном
Жестоким, но сильным.

Желание быть вечно правым коверкает речи,
Особенно если не туп, но вымолвить нечего.
И вся эта «правота» у всех уже в печени!
Который июнь! Который январь! С утра и до вечера!

Достало до млечных путей и обратно! Бесит:
«Мораль праотцов» и прочая классная ересь.
И, если всё это раньше делилось на десять,
Сейчас умножается. Правда, на ноль.
Такая вот песня.

Present simple

На скользком пути каждому свой крест.
Порой, выгибая спину, порою не очень.
И если так больно смотреть на чей-то регресс,
Помогай без упрёка или сваливай молча.

От дна оттолкнувшись, снова начать с нуля.
Жаль, что мотор теперь не работает ровно,
Когда непонятно: падает курс рубля,
Или сахар в крови, или твоя корона.

В себе подавляя фразу «I miss you so!»,
Так сложно душой и сердцем остаться чистой.
Но можно хотя бы совсем не трогать лицо,
Если в руках держать по бокалу виски.

Каждый поступок – билет в неизвестный круиз.
А тренировки роста – вообще шедевральное что-то.
Когда советует парень из Беверли-Хилз
Магаданскому парню «выйти из зоны комфорта».

Выйти в открытый космос, потратить лям
/На новые туфли/, съехать с потухшей темы,
Выкинуть древнекитайскую мудрость «Кху Ям»,
Если она не решает твои проблемы.

И ты говоришь мне: «Моя дорогая, стой!»
Кто пьяный? Я пьяный? А ты не смотри, что я выпил!
Знаешь, моё любимое время – с тобой.
А твоё?» – «А моё любимое Present Simple».

American tourist

Приходит рассвет, ни на что не похожий.
Терпения было впрок.
Ты всё, без сомнений, осилишь и сможешь.
Начни! Не разобран полгода в прихожей
Траурный гардероб.

Мотор между рёбер холодный и бешеный,
Как ссора родных сестёр.
Ты любишь во всём адекватность и взвешенность,
Но пахнет суровым и лютым экшеном
Немецкий ликёр.

Тебя – хоть убей – всё равно непослушная!
Куда не шагнёшь – дестрой.
Советчиков всех на выстрел пушечный.
Семейное положение – «Сири в наушнике/
Голос мужской».

Весенние песни доносятся с улицы.
Ты слушала ночь напролёт:
Что всё ещё сбудется. Ты же умница!
В пороге красный American tourist
Ревизии ждёт.

Живая материя

Условие жизни необходимое:

Стресс, выживание, гонка спортивная.

Живая материя. Всё здесь живое:

Планирует, дышит, жильё себе строит.

На всём земном шаре – животные птицы
и каждый из тварей чего-то боится.

До приступа дрожи, безмерно и в меру.
Вариантов бескрайня цифра примеров:

Свиданий с лисицей зайчонок боится.
Охотничьих ружей боится лисица.

Охотник боится дождя и супруги,
Супруга – развода и сплетен подруги.

Политику страшно мандат свой утратить.
В тайге заблудиться не хочет спасатель.

Слабак опасается сильных и борзых,
На севере – зноя, на юге – морозов.

И каждый боится чего-то на свете:

Леса – что в пожаре поднимется ветер.

Степная трава – светила в Зените.

Кто круче поспорить – Москва или Питер.

И весь океан, из глубин и изнанки,

Боится, что с нефтью затонет вновь танкер.

Боится планета, что лопнет терпение,

А я – одиночества и ожирения.

Поскольку поесть я умею «как надо»,

Боюсь /до потери сознания/ блокады.

В колёсах вселенной вращаются спицы.

А мама боится, что я могу спиться.

Огненный конь

Солнце в зените. Храм на воде.

Шаг невесом.

Мир есть жилище. Нигде и везде

Собственный дом.

Таймер просчитан на целую жизнь

В горсти песка.

Воинство света, не промахнись

На толщину волоска.

Всё иллюзорно. Ни места, ни дня.

Нет ни правды, ни лжи.

Будь непреклонен, носитель огня,

Несокрушим.

В ночь отбывает восточный экспресс.

Выйди в окно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.